

17.3.2000.

Песков Василий Михайлович

ОКНО В ПРИРОДУ

Нашему Василию Михайловичу Пескову исполнилось 70 лет. Вместо традиционного «Окна в природу» сегодня мы публикуем беседу Андрея Ванденко с юбиляром

РАНЫШЕ в газетах написали бы: «70-летний ветеран российской журналистики Василий Песков встретил юбилей на трудовом посту». Звучит банально, но по сути это правда. 14 марта Василий Михайлович не стал ломать привычный порядок вещей и занялся будничными делами: готовил очередную публикацию для рубрики «Окно в природу», отбирал материалы для шеститомника избранных статей, очерков и репортажей, запланированных к печати издательством «Терра». Первые два тома, к слову, уже вышли, и автор перед началом разговора презентовал мне их с автографом.

- Спасибо, Василий Михайлович, но, по правилам, не вы мне, а я вам подарки дарить должен.

- Брось ты, какие подарки! У меня все есть. Признаюсь, даже двенадцать топоров.

- Что за топоры?

- О, это целая история, ей уже много лет! Главный инженер Ижевского оружейного завода оказался моим давним почитателем и таким вот оригинальным способом решил благодарить меня за каждую новую книгу. Когда я получил первую пару топоров, то взмолился и попросил больше ничего не слать, а потом увидел, что получается забавная коллекция. Топоры ведь не обычные, а из специальной оружейной стали, с рисунками черной. На одном тополе - кабан, на другом - медведь...

Подарки у меня есть самые разные. Например, полное собрание моих сочинений, опубликованных в... «Комсомольской правде». Нашлась женщина, которая собирала все заметки, написанные мною, начиная с самой первой. Набралось на три толстенных тома.

- Наверное, больше всего «Окон в природу»? К слову, сколько лет рубрике?

- Полагаю, четверть века уже стукнуло. А может, и больше. Рубрика существует с 68-го года. Это сколько же получается? Тридцать два.

- И первую заметку помните?

- Конечно! Но до «Комсомолки» я ведь успел поработать в молодежной газете в Воронеже, куда пришел из бытовой фотографии. Первой моей публикацией в «молодежке» как раз и стали снимки, сделанные в свободное от работы время. А потом меня попросили написать текст, подписать к фото. Я и сочинил заметку... на целую газетную полосу. Ее напечатали, после чего редактор сказал: «Бросай ты, Вася, свое ателье, переходи к нам». Уговаривать долго меня не пришлось...

А в «Комсомолке» моя первая заметка появилась только через три года, в 56-м. И тоже это была история о природе, точнее - о паренке, который работал в заповеднике и очень холодной зимой спасал лосей от верной гибели. После первой публикации редакция предложила мне написать еще что-нибудь. Я понимал: идет проверка моих способностей, и постарался не ударить лицом в грязь. Для заметки выбрал актуальную тему о массовой вырубке яблонь, начавшейся после введения налога на фруктовые деревья. Статья, видимо, понравилась, ее напечатали, а меня пригласили в Москву и спросили, не хочу ли я поработать в «Комсомолке». Я сделал вид, что должен посоветоваться с родными, но внутренне все уже для себя решил...

Для начала мне предложили съездить в командировку в Сибирь, и я с радостью ухватился за возможность посмотреть новые места. Почти два месяца пробыл я на Байкале, как кабан, рыл носом и снег, и землю, в итоге привез в Москву очень много любопытного материала, который стали печатать чуть ли не в каждом номере.

- Получается, вы сорок четыре года в «Комсомолке»?

- Выходит, так. Позже, когда я стал поопытнее, мне предлагали писать в самые разные газеты, звали на хорошие должности на телевидение, предлагали стать главным редактором журналов «Турист», «Вокруг света», но я от всего

В красноярской тайге.

Течение жизни: Василию Михайловичу шесть месяцев, тридцать четыре года, а третий снимок сделан в канун юбилея.

отказывался, понимая, что для меня нет места лучше «Комсомолки». И становиться начальником в мои планы не входило. Единственный раз согласился побыть заведующим отделом иллюстраций «Комсомолки», чтобы попасть в номенклатурные работники и получить в Москве прописку и жилье. Едва мне дали комнатку, я тут же попросил тогдашнего редактора газеты Алексея Аджубея перевести меня в репортеры. Так всю жизнь и пробыл разъездным, а затем специальным корреспондентом «КП». Исколесил нашу страну вдоль и поперек, старался видеть и понимать ее природу, животный мир. Специального образования я не имел, но к знаниям

очень стремился и тема природы была мне всегда близка и понятна.

- Но вы ведь писали и о другом, верно? Взять, к примеру, путевые заметки об Америке «Земля за океаном». Вас с Борисом Стрельниковым из «Правды» за этот сборник очерков, кажется, даже премировали?

- Нет, премию я получил в 64-м году за книгу «Шаги по росе». И какую премию - Ленинскую!

Нормальная книжка, она мне и сейчас нравится, но совершенно ясно, что на Ленинскую премию она не тянула. Случись все лет на десять позже, будь мне не 34 года, а 44, я, пожалуй, отказался бы от награды, сказал бы, что не

достоин ее. Впрочем, и тогда я всерьез не рассчитывал на победу, известие о выдвижении вообще получил в Антарктиде, куда прилетел в командировку. Однако обстоятельства так сложились, что премия досталась мне. После этого я стал жутко знаменитым.

- В самом деле?

- Конечно! Это сейчас о Ленинской премии не вспоминают, а тогда выше награды попросту не существовало. Достаточно сказать, что в 64-м году я оказался в компании таких замечательных людей, как актер Николай Черкасов, балерина Майя Плисецкая, музыкант Мстислав Ростропович. И тут я, парень из Воронежа...

Конечно, психологический момент был для меня сложный, кое-кто теперь ждал от Пескова «Тихого Дона», никак не меньше. Я понимал, что единственное спасение - не тужиться, не надувать щеки, а постараться поскорее забыть о награде и продолжать идти избранным путем. Сразу сказал себе, что никогда в жизни не подпишусь: «Василий Песков, лауреат Ленинской премии». И действительно не подписывался. Единственный раз пришлось нарушить обет, когда мы ходатайствовали о ком-то попавшем в беду. Уже сейчас не вспомню, но чем-то человеку нужно было помочь, вот я и пустил в ход регалии. Все, больше звание я не афишировал и медальку лауреатскую не носил.

- Но от денежной составляющей премии хотя бы отказываться не стали?

- Положенные лауреату пять тысяч рублей (большая по тем временам сумма!) я разделил на две части: половину отдал родителям, чтобы они были спокойны, как говорится, за «черный день», а вторую часть решил пропить с друзьями.

- А мне говорили, что вы убежденный трезвенник...

- Знаешь, за столом я пьянею даже без спиртного. Главное, чтобы компания хорошая подобралась. А в тот раз народ был что надо. В ресторан Дома журналистов набилось человек двести: вся редакция «Комсомолки» и те, кто имел к ней какое-то отношение. Признаться, я банкет запомнил плохо, перед глазами все плыло, как в дыму, только одна деталь почему-то врезалась в память: официанты, несущие ананасы с горящими внутри свечами... Словом, погуляли мы тогда хорошо.

После этого я вернулся в журналистскую борозду и продолжил тянуть лямку, правда, желанную. Первым из журналистов попал на космодром в Байконур. А 12 апреля 61-го года первым сделал фотографии семьи Юрия Гагарина. Звездного городка тогда еще не было, и летчики, которым предстояло стать космонавтами, жили в Чкаловском. У нас там имела своя «агентша», девочка, которая раньше работала в «Комсомолке», а потом перешла в многотиражку отряда космонавтов. Тамара по старой дружбе и рассказала редакции «КП», что готовится полет, а первым космонавтом будет либо Гагарин, либо Титов. Вот мы с Тамарой и дежурили в машине по соседству с домом, где жили семьи будущих героев. Когда по авторadio прошло сообщение о запуске ракеты, мы бросились в квартиру Гагариных. А там уже соседи толпятся, жена Гагарина в слезах... Я сделал снимки и быстро в газету. Потом к Гагариным и другие репортеры нагрянули, но мы оказались там первыми и успели даже прихватить фото из семейного архива, чем окончательно утерли нос коллегам.

И с Юрием Алексеевичем я буквально на следующий день познакомился,

ВАСИЛИЯ ПЕСКОВА

вместе с ним вернулся в Москву. Какой тогда был праздник по всей стране, никогда этого не забуду!

Потом я писал о Терешковой, Николаеве, Поповиче, Быковском, но обстановка повышенной секретности накладывала отпечаток на газетные материалы, заставляла обходить молчанием слишком многие вопросы, и я почувствовал скуку. А раз так, то не было смысла слишком глубоко влезать в космическую тему. Я передал это дело Ярославу Голованову, он инженер по образованию, ему проще было найти какие-то новые повороты в репортажах из Байконура или ЦУПа.

А меня ждала другая работа. И очень почетная. Например, я сделал несколько бесед с прославленными советскими полководцами.

- Трудно было подобраться к маршалам Жукову и Василевскому?

- Я человек доброжелательный, никогда не писал скверности, поэтому оказывался желанным гостем в любом доме и особых проблем с тем, чтобы, как ты выразился, подобраться к кому-то, не имел.

А с Жуковым была такая история. Я ведь ребенок войны, в 41-м мне исполнилось одиннадцать лет, фронт проходил в двадцати километрах от дома, и я хорошо помню обстрелы, бомбежки, потоки беженцев и прочие ужасы военного времени. Поэтому особое преклонение перед людьми, завоевавшими для нашей страны Победу, сидит во мне с детства. Вот и захотелось помочь волевым вспомнить прошлое, воздать им должное. Я написал очерк о летчике Девятаеве, улетевшем на фашистском самолете из плена, о легендарном разведчике Шубине, которому маршал Баграмян лично обещал Звезду Героя. Рассказывал я о разных людях, но о встрече с прославленным Жуковым даже не мечтал. В то время он находился в опале, интервью не давал, имя его почти не упоминалось в прессе, только к праздникам печатали какую-нибудь дежурную, сухонную статью. Чем больше я писал о военных, тем острее чувствовал, сколь несправедливо отношение к маршалу. Словом, я стал искать разные ходы-выходы к легендарному военачальнику. В то время вышли мемуары Жукова, и через издателя мне удалось попасть на дачу маршала.

Поначалу он встретил меня настороженно, поэтому пришлось начать изда-дека, с разговоров о природе. (Георгий Жуков очень любил ее!) Постепенно лед недоверия растаял, и мы завели речь о главном. Ничего принципиально нового маршал мне, конечно, не рассказал, но в беседе мы затронули многие важные темы. В итоге я написал интервью на целую полосу. Привез сверстанный материал на визу. Георгий Константинович взял текст, надел очки и молча ушел по скрипящим ступенькам на второй этаж дачи, откуда довольно долго не спускался. Потом вернулся, внимательно посмотрел на меня и спросил: «И что, все это будет напечатано?»

«Комсомолка» с беседой вышла к Дню Победы. Газету зачитывали до дыр, Георгий Константинович получил от читателей более восьми тысяч писем и понял, что народ его знает, помнит и любит.

Я стал периодически бывать в доме Жукова, и наши встречи приняли более неформальный характер. Кстати, мы уже говорили сегодня о подарках, кото-

15 апреля 1961 года. Возвращение в Москву после полета Гагарина.

На Аляске в любом доме можно увидеть стреляющий арсенал, а вместо пойманной рыбы увезти с собой ее муляж, весящий триста граммов. Третий снимок сделан в нашей южной степи.

рые я берегу. Есть у меня памятная вещь и от маршала. В один из моих приходов он вдруг неожиданно заговорил, что хочет что-нибудь мне подарить. «Выбирай!» Я стал отнекиваться, мол, все должно принадлежать музеям. Похоже, Георгий Константинович оценил мою скромность и сказал: «Пойдем в чулан». Достал ящик с рыболовными снастями и предложил взять что-нибудь: «Ценность невелика, а память останется. Например, вот эту блесну я собственноручно выпилил из пряжки солдатского ремня». Я взял блесну...

Потом была встреча с маршалом Василевским. Он уже тяжело болел, но от беседы не отказался, видимо, публикация с Жуковым произвела на него впечатление. Интервью с Василевским тоже заметили. После выхода газеты мне позвонил Константин Симонов и сказал: «Поздравляю, хороший разговор вышел. Должен признаться: мне маршал интервью не дал, сколько его ни просил об этом».

- А с кем-то из нынешних политиков, военачальников вам хотелось бы пообщаться, Василий Михайлович?

- Ни с кем. Я обдумывал для себя эту ситуацию и понял, что не должен влезать в передраги, в которые все сейчас

втянулись. Главным своим занятием в газете я решил сделать тему природы.

- Словом, классический вариант: чем больше узнаете людей, тем сильнее любите животных?

- Не стал бы так уж заострять вопрос... В конце концов ведь не все люди политики, верно? Есть, например, и Агафья Лыкова, которая мне гораздо интереснее многих обитателей паркетных кабинетов. С 82-го года я слежу за судьбой Агафьи, регулярно бываю в Красноярском крае, и мой интерес к этой истории по-прежнему не угасает. Но еще более важно, что не угасает он и у читателей, которые ждут продолжения рассказа о Лыковых. В политике же слишком много суеты, беготни...

- А правда, что у вас дома нет телевизора?

- И никогда не было. В свое время я

накупил их матери, дочке, а у себя этот ящик не держал и не держу.

- Но вы ведь пятнадцать лет проработали на телевидении, вели передачу о животных. Неужели так ни разу и не увидели себя на экране?

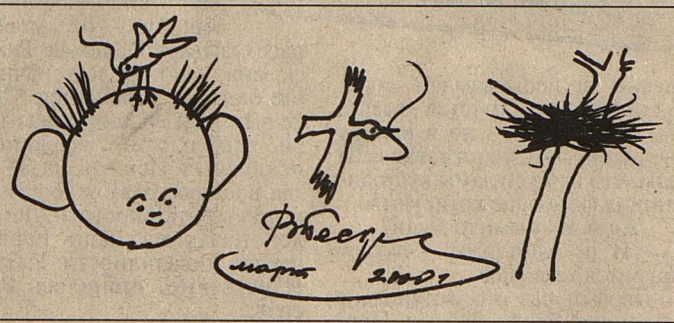
- Видел, конечно! Но программу можно и в гостях посмотреть, для этого необязательно заводить телевизор дома. Он жрет много времени, отнимает силы, нервы, а пользы почти что ноль. Все очень поверхностно, сиюминутно. И это не то чтобы вина телевидения - нет. Такова его специфика, другим оно быть не может. Смотреть телевизор - все равно что семечки лущить. Занятие пустое, но прилипчивое, оторваться от него трудно. У меня есть знакомый мужик, который к сериалам пристрастился. Так у него теперь вся жизнь распланирована от серии до серии.

Я предпочитаю читать. Книги дают пищу для ума, газеты - насущную информацию. Конечно, я что-то теряю, добровольно отказавшись от телевизора. Бывают интересные передачи, документальные фильмы, но все-таки основное время эфира забито всякими шоу, пустопорожней болтовней. На это у меня нет времени, жалко его терять. Последние полтора года параллельно с работой в «КП» занимаюсь подготовкой рукописей, фотографий для серии книг. Приходится перебирать весь архив. Работа очень тяжелая, уже и сон потерял на ней, и аппетит, а конца делу не видно. Понял, что могу окончательно выбиться из сил, и решил взять недельку отдыха, дух перевести.

- У вас дача есть?

- Нет и не было. Как, к примеру, и машины. Спросишь, почему? Это делает человека заложником, рабом вещей: за дачей надо следить, автомобиль ремонтировать, заправлять, ну и так далее... Вот говорят, что машина дает свободу. Мол, сядишь и едешь, куда хочешь - хоть в лес, хоть в другую страну. Но я ведь много раз видел, как автомобилисты ставят машину на поляне и крути вокруг нее рисуют, боясь отойти на два шага, чтобы кто-нибудь не открутил колеса или на капоте уравнило с двумя неизвестными не накарбал. У меня таких проблем не существует, я вольный человек, поскольку из всего движимого и недвижимого имущества имею только велосипед. На нем можно прекрасно передвигаться. Было бы желание и силы.

- А они есть, желание и силы?

Автошарж В. Пескова с автографом для всех читателей «Комсомолки».

- Пока не жалуюсь. Вот и в честь юбилея решил сделать себе подарок. Собираюсь в командировку во Францию. Конечно, не на велосипеде поеду...

Хочу увидеть деревенскую Францию, побывать в устье Роны, поклониться дому старика Фабра. Глядишь, и новый материал для «Окна в природу» появится...

ОЗОН – ТЕРАПИЯ XXI ВЕКА

В СОЧЕТАНИИ С СОВРЕМЕННЫМИ МЕТОДАМИ: ЛАЗЕРОТЕРАПИЕЙ, УЛЬТРАФИОЛЕТОВЫМ ОБЛУЧЕНИЕМ КРОВИ И ДРУГИМИ ПРЕДЛАГАЕТ

САНАТОРИЙ «СОКОЛЬНИКИ» Московских профсоюзов без противопоказаний и независимо от возраста, амбулаторно и стационарно, излечение или улучшение состояния — при стенокардии, гипертонической болезни I-II ст., вегетодистонии, последствиях нарушения мозгового кровообращения, атеросклерозе сосудов конечностей I-IV стадии, варикозном расширении вен и язвах конечностей, гайморите, отите, пневмонии, бронхите и бронхиальной астме, бронхоэктотической болезни, пиелонефрите, язвенной болезни желудка, холецистите, циррозе печени, почечнокаменной и желчнокаменной болезнях, остеохондрозе с болевым синдромом, артрозах и артрите, в том числе ревматоидных, простатите и аденоме простаты без операции, эрозиях и воспалительных заболеваниях матки и придатков.

Тел.: (095) 268-49-06. Адрес: 107014, Москва, 6-й Лучевой просек, 19 (м. «Сокольники») ЦЛМД №5614/5610

ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ В Г. ПРАГЕ (ЧЕХИЯ) ПРОВОДИТ:

1. Языковую и профильную подготовку (1 год) АБИТУРИЕНТОВ к поступлению на бюджетные и коммерческие отделения чешских ВУЗов и техникумов ежегодно: I поток с 1 июля, II поток с 1 сентября

2. Курсы и стажировки по менеджменту (от 10 дней до 10 мес.)

С оформлением образовательных и командировочных документов

тел./факс: (8-10-42-02) 209-21-353, 312-06-40

дежурный (8-10-42) 06-06-372-574

Адрес: Прага-6, ул. Кафкова, 12, E-mail: rifa@volny.cz

ООО "АГРИСОВГАЗ"

АЛЮМИНИЕВЫЕ ТЕПЛИЦЫ

индивидуальные, промышленные, фермерские

249092, Калужская обл., г. Малоярославец, ул. Мирная, 3

Тел.: (08431) 5-41-73. Факс: (08431) 5-42-49

http://compas.kaluga.ru/asg